

Д. Шпилёв
Кремовый
ручей

Дмитрий Шпилёв

Кремовый ручей

«Издательские решения»

Шпилёв Д.

Кремовый ручей / Д. Шпилёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907713-4

Эта книга — большой поход по крайнему северу, длиной в три месяца. Девяносто дней палаток, гор, диких животных и незнакомых людей, ставших на этот срок частью моей жизни. Ежедневная летопись геологических будней. Бескрайние степи, колючие ветры, резвые ручьи.

ISBN 978-5-44-907713-4

© Шпилёв Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Анадырь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кремовый ручей

Дмитрий Шпилёв

© Дмитрий Шпилёв, 2018

ISBN 978-5-4490-7713-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Так уж сложилось, что вступление к этой книге я писал в самом конце, когда закончил основную работу над текстом и написал заключение. Вернувшись в начало, понимаю: мне совершенно нечего сказать. Все мои мысли внезапно улетучились, попытки придумать яркий, эффектный и интригующий пролог, провалились. Напишу как есть.

Эта книга представляет не что иное, как мои отредактированные записи из дневника, который я писал, находясь на геологической производственной практике в Чукотском автономном округе летом и осенью 2017 года.

В течение трёх месяцев я каждый день вёл повествование о том, что происходило со мной во время моего путешествия, делился своими мыслями и чувствами, конспектируя каждый свой шаг на бумаге. Конечно, при редактировании многое потерялось. Вместо выброшенных фрагментов привносились новые, всплывшие в памяти факты и события.

Не могу сказать, что книга получилась стопроцентно достоверной, но я попытался максимально близко к тексту передать этот небольшой, но такой насыщенный отрезок моей жизни. Все события и моё отношение к героям описаны, на мой взгляд, максимально объективно и непредвзято, а сухим фактам и диалогам я как мог, предал небольшой художественный окрас. Хорошо это получилось, или плохо – самому оценить трудно.

Название книги – это вторая самая серьёзная сложность, с которой мне пришлось столкнуться на завершающей стадии написания текста. Перебирая в голове множество различных вариантов, в итоге остановился на этом. Оно не отображает в полной мере основную суть книги. Такое название дано благодаря одноименному ручью, протекающему через наш палаточный лагерь на одном из участков. По крайней мере, оно мне кажется просто красивым.

Помимо всего, хочу предупредить читателей о том, что книга изобилует грубыми, вульгарными выражениями и нецензурной бранью, которую я намеренно оставил в тексте, стараясь придать ему экспрессивно-выразительный окрас. К тому же, как сказали мои товарищи, в этой бытовой ругани и пошлости есть некая доля юмора.

Анадырь

День первый. 19.07. Среда

Честно говоря, до самого последнего момента не был уверен в том, что полечу. Наверное, никто не был уверен. Было много проблем, много бумаг, медкомиссия и прочая суматоха. Наконец, кампания оплатила нам билеты на перелёт. Теперь мы уже сидим в огромном Боинге, и вскоре пойдём на посадку. Несмотря на то, что этой мой первый полёт на самолёте, волнения нет, настроение прекрасное. Нас восемь человек: пять геофизиков и три геохимика – все ребята с моего курса. Впереди – неизвестность. По поводу жилья и условий труда всё туманно; кто-то предполагает, что жить будем в балках – небольших передвижных вагончиках, а кто-то высказывается за палатки. По рассказам тех, кто уже работал в поле, я пришёл к выводу, что на словах работа не слишком-то и тяжелая. Сложность заключается лишь в том, что придётся по пикетам ходить много километров по пересечённой местности с тяжелой аппаратурой. В общем, это всё, что должно входить в наши обязанности.

Судя по фотографиям Чукотского края из интернета, это место с суровым климатом и гористой местностью, не изобилующей разнообразием флоры и фауны. Кругом каменные холмы со мхом и ледяная пустыня тундры, где наледь на некоторых участках не тает годами, – не очень обнадеживающе. Надеюсь, что я не прав, и впереди меня ждёт много интересного.

В самолёте много людей монголоидного типа, что, впрочем, не удивительно. Кто-то из них весьма привлекателен, у кого-то, напротив, слишком грубые черты лица. Странно, что больше всего из коренных жителей летит женщин, причём почти все из них с маленькими детьми до трёх лет. Дети, к счастью, вели себя тихо, поэтому полёт проходил довольно комфортно.

Мой сосед слева похож на метиса с европейским разрезом глаз, но смуглой кожей. Сосед справа больше походил на представителя коренного чукотского народа, но будто всем своим видом пытающийся скрыть свою этническую принадлежность. Приземист, но широк в плечах, коротко брит, мордат, и всей своей сущностью, разговорами, одеянием, обвешанный массивной золотой бижутерией, напоминал большой привет из девяностых.

Раздражала соседка сзади – не блещущая умом особа, со своим спутником и маленькой собачкой-шпицем, которую она притащила с собой на борт. Все замечания стюардесс по поводу того, что для животных есть специальный багажный отсек, и что у людей в самолёте может быть аллергия на животных, дама воспринимала как личные оскорбления. На любое замечание реагировала как на акт агрессии в её адрес, крича в ответ:

– Почему у вашей кампании самый грубый персонал? Почему вы на меня кидаетесь, я ничего вам не делаю!

И всё в этом роде. Все попытки стюардесс вразумить буйную даму оказались тщетными. Когда персонал от неё отстал, дама начала сюсюкаться со своим питомцем:

– Моя девочка, моя хорошая, никому тебя не отдам, а если эти вредные стюардессы ещё к нам пристанут, я их сама в багажный отсек засуну!

Но глупая дама – это ещё полбеды. Самое ужасное было то, что её дрянная собака гавкала каждые полчаса, а точнее даже не гавкала, а пронзительно визжала, срываясь на фальцет и хрипя. Недовольные пассажиры оглядывались, некоторые начали делать замечание, на что дама снова оскорбилась:

– Ну что я, рукой ей рот заткну?! – игнорировала та недовольные возгласы соседней, ничего не предпринимая, чтобы успокоить собаку и просто спокойно общалась со своим спутником, периодически жалуясь ему, как зол и несправедлив окружающий мир. Интересно, как обстоят дела с подобными скандальными пассажирами и шумящими детьми в бизнес-классе?

Где-то после шести часов беспокойного сна, затем завтрака и снижения, сквозь пелену облаков из окна открылся вид бесконечной тундры; до самого горизонта простиралась зелено-вато-коричневая равнина, испещрённая множественными озёрами и реками. У одной из рек, за скоплением жиденьких облаков, просматривалось небольшое поселение на полсотни хаток. Мой сосед-метис, сидевший у окна, толкнул меня, ткнул в иллюминатор пальцем по направлению к той деревне и радостно сказал:

– Вот видишь тот посёлок? Я там родился.

Показались высокие холмы с наледями нерастаявшего снега, а за ними голубые воды моря. Капитан объявил, что за бортом хорошая солнечная погода, +17 градусов, 18:00 часов вечера по местному времени, хотя мои часы показывали 9 часов утра. Я не понял, сейчас уже новый день, либо я вернулся в день вчерашний?

Нет, определённо 19 число. Просто в Москве ещё утро, а здесь уже вечер.

Самолёт приземлился в посёлке на берегу Анадырского лимана, под названием Угольные Копи. Посёлок совсем небольшой, с парой выкрашенных в яркий цвет домов у самого аэропорта. Подробно рассматривать нам его не пришлось. Сразу после выхода из дверей аэропорта мы взяли такси.

На улице оказалось не так холодно, как я думал. Даже ветер не казался холодным, хотя и были сильные порывы. Такси доставило нас к пристани, от которой ходит паром до Анадыря. Эти десять километров по петляющей среди небольших болотистых озёр бетонированной дороге, или пять минут езды на праворульном микроавтобусе обошлись в 2500 рублей на всех.

В дороге до пристани, по правую сторону, нам открылась бескрайняя степь с болотами и высокой зелёной травой. Затем мы свернули на набережную полноводного залива с галечным пляжем. На пляже всей семьёй рыбачили люди – у самой воды сидели женщина и мужчина, рядом с которыми носилось двое детей.

Вся территория вокруг казалась большим полигоном сплошной разрухи. Тут и там стоят сгнившие, давно не использующиеся деревянные хатки, пустые бетонные коробки хозяйственных зданий, горы строительного мусора и металлолома. Трудно сейчас представить, для чего всё это предназначалось.

С пристани открывается красивый вид на противоположный берег залива. Очень живописно. На противоположном его берегу я впервые увидел Анадырь – маленький, неприметный. Огромная стая морских чаек летала повсюду; сидела на металлоломе, на прибрежных бордюрах, гадила на причал. Но самое удивительное то, что у самого берега плавало множество красивых, лоснящихся нерп. Они ныряли, подставляя под солнце свои гладкие спины. Их головы выглядывали из воды, наблюдая за прибывшими на берег людьми. Здесь, на берегу, ветер был особенно холодным, но я горел от переполняющих меня положительных эмоций и ожидания начала долгого путешествия. Незнестность перестала меня пугать; теперь скорее интриговала и дразнила. Я с нетерпением ждал грядущих поворотов судьбы.

Спокойные волны залива нежно ласкали обросшую зелёной тиной бетонную пристань. Где-то вдалеке, примерно в полутора километрах от берега, из водных глубин вздымался крохотный, продолговатый, скалистый островок со стоящим на нём металлическим каркасом небольшой вышки, облюбованной чайками. Ещё дальше, на противоположном берегу лимана, за бледной пеленой пурпурного озона горделиво возвышалась одинокая гора.

Минут через сорок прибыл наш паром под названием «Капитан Сотников». По трапу мы зашли на палубу и устроились в довольно вместительную каюту, мест на сто – широкую, но короткую. Спустя ещё пятнадцать минут паром тронулся, причём так плавно и незаметно, что если бы я не смотрел в окно, то подумал, что мы так и стоим на месте без движения. Воды лимана были спокойны. Никакой качки. Медленное, размеренное движение.

Анадырь встретил нас своими разноцветными, ухоженными многоэтажками. На городских подступах, так же как и на окраине аэропорта, тоже кругом царил разруха. У пристани прибито много ржавых остовов кораблей с проросшей на палубе травой. Некоторые посудины подняли на берег, на пристань. Так они и стоят теперь, накренившись, зарывшись киями в каменистую почву.

На берегу нас сразу же встретил пузатый, статный мужчина в деловом костюме, лет шестидесяти, с сияющим, гладко выбритым лицом и пепельно-белыми волосами. Он любезно пригласил всех в УАЗик-буханку, где нас уже ждал водитель.

Проезжая по этому району города, сперва невольно пронизываешься его депрессией. Улицы тут малолюдны, многие небольшие лачуги выглядят полузаброшенными, всё пространство вокруг обволакивает давящий серый цвет от сопков и такого же свинцового неба, затянувшегося из ниоткуда взявшимися тучами. Цветные дома лишь издали излучали жизнерадостную яркую новизну. Вблизи же это были обычные панельные коробки с облупленной местами краской и замазанными цементом стыками между плит. Абсолютно все дома здесь стоят на сваях, без фундамента, чтобы с годами они не просели, не провалились в мерзлоту, поэтому многоквартирные постройки всюду возвышаются на один-два метра над землей. Ничего подробнее из окон машины мне рассмотреть не удалось. Приехали мы быстро.

Нас привезли и высадили у большого ремонтного гаража-амбара с высокими воротами. Отдаленно это место напоминало сельский тракторный отряд. Вокруг валялась куча запчастей, стояли большие гусеничные вездеходы и бульдозеры. Деловой мужчина не спеша выкатился из машины, и перед тем как войти в гараж и впустить всех, заслонил собой проход и обратился к нам:

– Геофизики тут есть, значит? Сейчас я вам анекдот расскажу про геофизиков, слышали такой? Идут, значит, по лесу геохимик с геофизиком, и встречается им сторожка геологическая. Они в неё стучат, им геолог открывает, спрашивает: «Кто такие?» «Я – геохимик, – говорит первый, – и геофизик со мной». «Ага, – отвечает геолог, – ну геохимик пусть заходит, а геофизика в сарай поставьте!»

После этих слов мужчина разразился громким, заливистым хохотом. Шутки я совершенно не понял, но на всякий случай неуверенно засмеялся вместе со всеми. После он повторял эту шутку ещё множество раз за этот вечер, и каждый раз, как в первый, принимался безудержно хохотать, словно заведенный, так, что это начало доходить до абсурда.

Мужчина, наконец, представился. Я не запомнил его имени, но это для меня пока не столь важно. Я запомнил лишь фамилию – Лебедев. Он являлся начальником Анадырской геологической конторы. После Лебедев сказал о том, что нас не ожидали увидеть здесь так рано, поэтому о местах для жилья не побеспокоились. Он разделил нас на две группы. В первой два геохимика, которым предстояло ехать на другой участок отдельно от нас. Во второй группе все остальные. Начальник сказал, что у двух геохимиков уже есть главный, фронт работы им обозначен, поэтому, скорее всего, в поля они уедут раньше. Подъём у них завтра в половину восьмого. Насчёт оставшегося большинства не было сказано ничего.

У этого амбарного гаража сбоку стоит небольшая трёхэтажная пристройка на четыре маленьких квартирки, в которых сезонно жили приезжие геологи. Четверых наших товарищей расквартировали по этим комнатам. Мне же, с остальными, постелили прямо в большом оранжевом вездеходе внутри ангара. На застеленный досками пол пассажирского отсека машины положили толстые ватные матрасы, и выдали каждому по спальному мешку, относительно новому и почти чистому. Для четырёх человек места здесь вполне достаточно. Свои вещи мы скинули на лестничную площадку пристройки между первым и вторым этажом.

После того как всех пристроили, Лебедев распорядился водителю отвезти нас в ближайший магазин, ибо все были очень голодны с дороги, а кормить нас здесь никто не собирался. Мы снова сели в буханку и доехали до ближайшего магазина, цены в котором всех серьёзно

напугали. Буханка хлеба – 70 рублей, вырезка свиная – 600. Стоимость многих фруктов и некоторых овощей, вроде огурцов и помидоров, варьировалась в пределах пяти сотен за кило. Да что уж там, плавленый сырок «Дружба» 50 рублей стоит. Я взял полбуханки хлеба, этот сырок, бутылку лимонада, печенье. Всё это вышло на 200 рублей. Тут я и понял, что если мне дальше придётся питаться здесь за свой счёт, то я помру с голоду через ближайшие несколько дней – денег с собой не так уж много.

По городу толком походить не успели. Мельком осмотрели неказистый центр. Видели два небольших торговых центра, с виду напоминающих крупные супермаркеты, несколько мелких магазинчиков, расположенных на первых этажах квартирных многоэтажек.

По возвращению в гараж накрыли скудный стол. Рабочие мужики вытащили и порезали нам большие куски вяленой кеты. На вкус она немного подтухла у хвоста, но середину, жирную и сочную, ещё можно было обрезать и съесть.

За едой и разговорами время подошло к ночи. На улице около десяти часов по местному времени. Биологический режим сна у всех нарушен, спать не хотелось совершенно, поэтому, на ночь глядя, мы пошли гулять, и решили дойти до тихих вод лимана.

Вечером, из-за полярного дня, солнце уходит не полностью. За горизонтом слегка алеет бледный закат, и так на протяжении всей ночи. От гаража до моря примерно двадцать минут ходьбы. Сначала мы шли по городу, потом по мосту пересекли реку Казачку, откуда уже виднелась обширная водная гладь. По дорогам то и дело снуют полицейские машины. Вся Чукотка, и Анадырь в том числе, считаются пограничной зоной – отсюда до Аляски рукой подать, поэтому для нахождения в этом регионе России нужно иметь какой-то повод – быть командированным рабочим, как мы, или, например, иметь специальное приглашение. Именно поэтому тут очень много полиции и разных пограничных ведомств, и не стоит удивляться, если любая машина с парнями в фуражках внезапно остановит вас и потребует документы. Из-за этого без паспорта и командировочных на улицу приезшему лучше не выходить, чтобы не было проблем.

Ночью этот рабочий городок засыпает. Люди и машины, по крайней мере, на окраинах, встречаются совсем нечасто. Ветер на улице успокоился и почти не чувствовался. Тучи над головой расступились, стало немного светлее. Вскоре мы свернули с бетонированной рифленной дороги и вышли к морю, спускаясь по крутой насыпи к галечному пляжу. На берегу, как бы обособленно от всего остального города, стояли пара-тройка панельных домов. От этих домов по трубам прямо в море стекала канализация. На пляже открывался хороший вид на заснеженные сопки, стоявшие вдали, на противоположном берегу. У воды трое людей закидывали невод – две женщины и мужчина. Мы подошли к ним, и я решил завести разговор, спросив, какая рыба здесь ловится. Парень и девушка были молоды. Они молчали и почти не участвовали в процессе ловли, а бойкая женщина, лет шестидесяти, отозвалась:

– А вот, смотри: кета, горбуша, нерка, – охотно начала рассказывать она, параллельно выпутывая рыбу из сети, – Ловим, в основном, кету для икры. Самцов отпускаем. Самцов от самок легко отличить. У них острые челюсти, у самок притупленные. Вон, посмотрите, там наш улов.

Женщина показала в сторону, где стоял импровизированный столик из подручного хлама и небольшая эмалированная ванная с рыбой. Мужчина вспарывал кету, сразу потрошил её, доставал икру, тушки кидал в ванную, потроха обратно в море. В ванной, помимо кеты, плавало ещё несколько горбуш. Рядом стояла наполовину заполненная пятилитровая баклажка икры и пакет с вырезанными молоками. Кто-то из ребят спросил:

– Вы икру продаёте?

– А как же! – снова оживилась женщина, – Две тыщи за кило. Я её вам засолю. Если сразу есть, то чуть-чуть, а если будете хранить, то посильнее. В магазине икра дороже, и сколько она лежит-то там? Её ещё и солят неправильно, все полезные свойства уходят. А у меня свежак! – хвалилась она, и через минуту продолжила:

– Сама я живу в Калининграде. Приезжаю сюда часто, в родные края. Ещё мой дед зарабатывал тут рудники много лет назад, поэтому я, вроде как, коренной житель. Вы не смотрите, что харя у меня не Чукотская, для меня этот край родной. Живу я в Калининграде давно, и когда была молодой, лет, эдак, 30—40 назад, то захворала не на шутку. Температура месяца высокая стоит, никак не собою. Врачи лишь руками разводили. Только потом стало ясно, что уже легкое начало гнить. А брат мой здесь всё время живет, он как узнал, что сестра больна, так взял кетовой икры трехлитровую банку под мышку, метнулся ко мне, и икру эту столовыми ложками в рот запихивал. Так не поверите, через три дня уже выписалась из больницы! Теперь я каждый год здесь. Для меня этот край роднее всего. Ловлю тут рыбу, внучку, вот, с собой первый год привезла.

Кто-то из наших парней обрадовался, хотел найти удочку и, если выдаться свободное время, половить здесь рыбу, но женщина ответила:

– Ну нет, ловить рыбу бесплатно тут можно только коренным жителям, либо тем, у кого здесь родственники до третьего колена, как у меня. Этот пляж для таких. А там, на пляже, что подальше – вон он, огорожен – там для приезжих. Триста рублей платишь, и лови. А будешь бесплатно тут ловить – рыбнадзор оштрафует. Рыбу я вам и бесплатно могу отдать. Вон у меня её сколько! Молоки ещё можете взять, пожарить. Очень вкусно!

Тем временем в сеть, которую она уже закинула, снова набилась рыба. 15 минут под водой, и в неводе уже 5—7 рыб по 2—3 килограмма каждая. Самцы выкидываются, и сеть забрасывается снова. Точнее, не забрасывается, а женщина в своем прорезиненном комбинезоне заходит в воду по грудь и тянет сеть за собой.

– Ну что, ребята, никто не хочет сеть отнести? Это во мне метр шестьдесят, далеко не уйду, а вы подальше отнести сможете. Можете потом и невод вытянуть, самцов отобрать и выкинуть, вы уже сами всё знаете.

Мы начали таскать невод, перебирать его и фотографироваться с рыбой на фоне моря, гор и порта, который стоял вдалеке. Женщине же, радой от внезапно привалившей дармовой рабочей силы, наша помощь только на руку. Она довольно села за свой столик и начала пить чай вместе с внучкой. Увидев, что мы фотографируемся, она сказала:

– Можете ещё поснимать, как я рыбу разделявать буду, – и сказала мужчине: разрежь им рыбу, пускай хоть посмотрят, снимают.

Мы хотели после полей перед отъездом купить у женщины рыбы и икры, но она сказала, что 15 августа уже летит в Калининград и дала номер своего знакомого, который мог бы продать нам рыбу подешевле прямо в аэропорту. Мы записали на всякий случай её номер, и номер мужчины.

– Моего друга зовут Миша, а я – Светова Света. Меня вся Чукотка знает. Да меня сам Абрамович знает! – крикнула она, вскинула руки вверх и засмеялась.

День второй. 20.07. Четверг.

Встал я рано. На часах пять утра, спать больше не хотелось. Организм воспринял этот сон как дневной, поэтому я спал так мало. Нужно было побыстрее пережить эту акклиматизацию, чтобы наконец уже влиться в нормальный режим. Мои товарищи под боком тоже не спали, у них с организмом было то же самое, что и у меня. Один из них так и не смог уснуть всю ночь.

Погода сегодня ясная, тёплая. К восьми утра в амбар подтянулись рабочие мужики. Они надели на себя спецовки и принялись пить чай. Стали приезжать и уезжать машины. Я успел уже поесть, побродить по близлежащим окрестностям, провести фотоохоту на сусликов, которых водилось во множестве среди строительного мусора за амбаром. Эти милые, не очень большие, размером с крысу, животные, звались среди местных евражками, или евраганами.

Прямо через дорогу, на возвышении, стоит большое здание с огромными трубами, похожими на градирни. Это местная котельная, которая зимой отапливала весь город. Я прошёл ещё выше и уткнулся в подножие небольшой сопки на краю города. С этого места открылся неплохой вид на город и залив, в котором мы рыбачили вчера. Под боком котельной рассмотрел кладбище, и спустился к нему. Судя по состоянию надгробий и оград, погост не пополнялся новыми могилами уже много лет. Многие из них сильно просели, поросли болотной выющейся травой. На тропинках между могилами ноги вязли в топком мокром суглинке, скорее, на болотную жижу, затянувшуюся ряской. На многих могилах таблички с надписями стёрлись, заржавели, отпали. Последние захоронения приходились здесь на середину 80-х годов. Место удручающее и пустынное. Здесь не хотелось ходить и мочить ноги, поэтому я поспешил уйти.

В амбаре рабочие мужики тем временем завели большие гусеничные вездеходы, один из них вывезли из гаража, разъединили гусеницы на колесах и стали ремонтировать. Сам внешний облик этого передвижного сарая на колёсах выглядел немного нелепо и отдалённо напоминал какую-то тяжелую, самоходную установку. Кабина из толстого железа, маленькие окошки, высота машины около двух с половиной метров, а вес, должно быть, не менее десяти тонн. Казалось, что такая махина проедет где угодно. У неё имеется нос, которым можно стесать небольшие бугры, либо валить среднего размера деревья, хотя деревьев здесь я ещё не видел вовсе.

Я пошёл и лёг на гигантские сани за гаражом. Отсюда открывается красивый вид на болотистую загородную равнину, на лиман, и на заснеженные сопки на противоположном берегу. Меня окружали многочисленные звуки животного мира. Такое богатое разнообразие фауны здесь приятно удивляет. Постоянно кричат гигантские чайки, на крышах сидят голуби, чирикают воробьи. Много насекомых, мух, комаров. В море изобилие рыбы и морских животных, а каменистая почва испещрена тоннелями сусликов. Просто удивительно, как большинство этих видов может выживать здесь, когда их жизненный цикл укладывается всего в пару месяцев лета в году. У тех же сусликов есть совсем немного времени на то, чтобы успеть вдоволь наесться травы, накопить необходимую прослойку жира и снова завалиться в спячку на долгую зимовку. Благо, что травы в это время года тут в достатке. Встречаются почти все виды трав, которые есть и в нашей средней полосе.

К 10 часам в гараж подъехал Лебедев. В подвале гаража он распорядился выдать одному из подчинённых, который уже ждал внизу, рабочую спецодежду для нас. Этого молодого мужчину, лет тридцати от роду, звали Миша. Сперва я принял его за кладовщика, или завхоза, но он оказался заместителем Лебедева. В кладовом подвале гаража он копался в одежде, выдавая нам комплекты.

В комплект выданных нам вещей входили резиновые длинные сапоги-болотники, летние брезентовые штаны и инцефалитка, а так же толстые зимние штаны, большой пуховик с отстёгивающейся ватной подкладкой и берцы. Все комплекты абсолютно новые, в упаковке и с бирками. Одежду мы померили сразу. Полностью экипировавшись в этот толстый ватный комплект, я почувствовал себя космонавтом, облаченным в скафандр. В этой одежде трудно передвигаться. Зато замёрзнуть осенью в полях нам теперь точно не грозит. Очень тепло и мягко.

В душном подвале складского помещения жарко. При примерке одеяния я сильно вспотел и пошёл обмыться в умывальнике, на сколько можно, и помыть голову. Санузел находился в жилой пристройке гаража на первом этаже. Им пользовались все механики и рабочие. Относительно чистый, но старый и изношенный, обложенный плиткой, потрескавшейся со временем, с ржавыми разводами на керамических изделиях. Теплая вода здесь отсутствовала, в туалетах не работали бачки для смыва, поэтому предварительно перед походом в туалет приходилось набирать с собой ведро воды. После освежающих водных процедур я переоделся

в рабочую робу и сел в гаражном помещении за стол, где мои товарищи вместе с рабочими гаража гоняли чай.

Один из рабочих сказал, что для нас имеется работа и пригласил нас в соседний с основным гаражом длинный амбар с деревянными покосившимися воротами и прохудившейся крышей. Нам необходимо вытащить из этого сырого амбара несколько баулов с мешками для геологических проб и разложить их на солнце для просушки. Мешков три типа: геохимические – самые маленькие, керновые – узкие, но глубокие, и бороздовые – самые крупные, объёмом около четырёх литров. Их оказалось слишком много, несколько тысяч, и мы обложили ими всю территорию вокруг ангара и гаражей. В процессе работы солнце поднялось в зенит и стало по-настоящему жарко. Даже через футболку оно пекло достаточно сильно для того, чтобы в скором времени вспотеть.

– О! – сказал рабочий, – А ведь это даже не 20 градусов ещё.

В перерыве мы пообедали. Свет отключили, заварить чай не удалось. Мы продолжали питаться за свой счёт всё тем же, что купили вчера вечером в магазине – паштетом, сыром, хлебом. Я вытащил сало, которое привёз с собой из дома. Принесли недоеденную вчерашнюю рыбу. Того рабочего, с которым мы занимались просушкой мешков, звали Иван. Этот худосочный пожилой мужчина любил поболтать и пуститься в долгие рассуждения, особенно на перерывах, рассказывая о своей работе, жизни в полях и пытался поучать нас.

– Воду здесь из крана только не пейте, грязная она. Трубы ржавые, хлорки много. Не умрёте, конечно, но обосраться вполне возможно. Вот поедете в поле, там ручьи текут с талыми водами. Там лёд тает всё лето, пока опять снег не выпадет. Вода из этих ручьёв чистая, вкуснейшая. Телефоны в полях бесполезны, там сети всё равно нет. Только спутниковый телефон. Раз в неделю позвоните родным, скажете, что всё в порядке, и хватит. Помню, встретили в полях однажды девушку и парня молодых, а они нам сразу: «Позвонить у вас есть?». Оказалось, что ветеринары, из Благовещенска. Пошли за оленями, да то ли заблудились, то ли ещё что. Короче, позвонили на базу, чтобы их забрали. Было такое, что и сами терялись. Несколько дней в полях, а на троих только несколько банок тушенки. Съели быстро. Хорошо, что встретили чукчей со стадом, договорились с ними, они нам продали оленя за 10 тысяч. А это очень дешево. Бывало, что в полях оленей бесхозных видели стада. Многие дикие, некоторые домашние, отбились от своих, смешались там все. И никто не пасёт. Мы тогда их много настреляли. Кто солил потом, кто заморозил мяса. И с медведями не раз сталкивались. Повадились один раз медведь в компостную яму лазить, метрах в пятидесяти от лагеря. Ну мы его ружьём! В него не стреляем, конечно. В воздух. А то если ранишь медведя, то плохо дело будет. И в маршруте попадался нам. Оленя завалил, тушу грызёт. Нас увидел, так в зубы её взял и потащил – не хочет отпускать. Мы выстрелили, только тогда тушу бросил, убежал. Продолжили работать, отвлеклись, и глядь – опять пришёл, жалко ему добычу бросать.

Ненадолго прервав свой немного несвязанный монолог, Иван закурил, многозначительно уставился в пустоту и затем продолжил:

– А вообще вы, конечно, поздно приехали сюда, ребята. Тут и так полевой сезон короток, а сейчас уж месяц, и всё. Что с вами потом делать будут, не знаю.

После обеда мы немного переждали и пошли с Иваном собирать высохшие мешки. Он вновь пустился в размышления, благоговейно ностальгируя по своей насыщенной яркими воспоминаниями жизни и работе. Сначала рассказал о кризисе в 2008, который его коснулся, из-за чего он, уже тогда будучи в пенсионном возрасте, не мог найти работу по специальности. Пришлось работать на заводе в родном Челябинске. Рассказывал про большое золотое кольцо – комплекс золотых рудников на этой широте на Чукотке, ещё в каком-то российском городе, и об Аляске. Сказал, что если на Аляске почти все месторождения найдены и разработаны, то Чукотка, по сравнению с ней, всё ещё остаётся неизвестным краем, полным полезными иско-

паемыми. Самое крупное и богатое месторождение, которое здесь разрабатывается на сегодня, называется Купол. Многие геологи хотят попасть туда, потому что платят там очень хорошо.

Солнце клонилось к закату. Наш рабочий день завершился. Я неспешно продолжал собирать высохшие мешки, помимо Ивана слушая анадырскую радиостанцию под названием Пурга и думал о том, что это так странно – жить в самом малозаселённом регионе России, в котором столица в 15 тысяч человек, и при этом иметь и свою радиостанцию, телевидение, и даже очень хорошие хоккейные команды, отстаивающие на международных матчах честь своей страны. Причём каждый здесь знает друг друга. Возможно, видит теле- или радиоведущего каждый день на улицах, лично знает мэра города, главу округа, и прочих известных личностей края. Мне кажется, что подобное близкое социальное взаимодействие между людьми положительно сказывается на жизни таких обособленных мелких населённых пунктов крайнего севера, где каждый известен друг другу и может напрямую повлиять на жизнь ближнего; так проще пойти на диалог с властью и прочими органами в случае беды или каких-либо проблем.

На Чукотку наконец пришло жаркое лето – главное событие сегодняшнего дня, по мнению диктора. После озвучивания короткой сводки новостей, он пожелал слушателям удачного завершения рабочего дня и хорошего настроения, после чего заиграла по-летнему теплая заводная музыка.

Моё внимание снова сконцентрировалось на Иване, несущем в мои уши бесконечный поток информации. Я даже не сразу заметил, как мои товарищи ушли делать другие дела, и мы остались с ним наедине, он полностью переключился на меня. Многие из того что он говорил, вроде политики, его родословной и мнения об известных людях, меня не особо интересовали. Его геологические истории о путешествиях занимали гораздо больше. Из них я понял то, что он уже очень опытный геолог со стажем, объездил множество республик бывшего СССР и много где бывал в самой России.

– Я как турист, путешествую без денег, да мне ещё за это и платят! – говорил он, улыбаясь. Когда он снова коснулся темы о Чукотке, я спросил, видел ли он настоящих коренных чукчей, которые ведут кочевой образ жизни, живут в юртах, едят сырое мясо и одеваются в шкуры оленей.

– Чукчи, которые в народных одеждах? Тут таких не встретишь, – ответил он. – Вообще, мне кажется, такие чукчи остались только в телевизоре. Нет, может и есть отдельные племена, но они далеко на севере, за полярным кругом. Видел я что-то приблизительно подобное. Натыкались на стада оленей чукчей, сами они выходили посмотреть, чем мы занимаемся. Но юрт и их стоянки не видел. Одеты они в поношенный китайский ширпотреб, так что смотреть особо не на что. А то, что они всё ещё пытаются жить кочевой жизнью своих предков, тоже отчасти верно. Многие из них очень не любят тех метисов, которые живут в городах и других крупных поселениях Чукотки. Они считают их людьми, отбившимися от своих корней, потерянными. Такие чукчи уже не будут никогда жить в тундре, не смогут вести хозяйство, забудут родной язык. Но и в городе им не будет лёгкой дороги. Многие без образования, берут любую самую низкооплачиваемую работу, живут бедно и, в конце концов, спиваются. А для чукчей водка – самый страшный враг. В их организме нет иммунитета к алкоголю. Знаю я такого одного, приехал откуда-то с тех краёв. Хороший парень, крепкий. Серёгой его звали. Мы с ним общались несколько раз, приехал он в город работу искать. На следующий год приезжаю на новый полевой сезон, иду по городу, смотрю – стоит Серёга с протянутой рукой. Вид у него, конечно... – Иван сострадательно подкатил глаза, молча качнул головой, махнул рукой. – Ну вот, пошатался тут по окрестностям, а на следующий год вообще пропал. И никто не знает, куда он делся.

После его ответа, я задал Ивану теперь уже скорее риторические вопросы о том, как такой маленький городок может поместить в себе и телевидение, и радиостанцию, пару редакций и газет и много других различных инстанций.

– Ооо... – махнул он, – ты тогда вообще удивишься, что тут ещё есть свой парламент с правительством, счётная палата, большой штаб МВД, ещё офис этих пограничников, как их зовут, забыл, а ещё военных учреждений сколько!

– Расскажи, как люди проводят здесь досуг?

– Ну-у, как... – задумался Иван, – кинотеатр здесь есть, «Полярный» называется, клуб ещё какой-то, куда молодёжь ходит развлекаться. Музей есть. Два торговых центра, а всяких мелких магазинов уж не счесть! Так что люди всем тут обеспечены.

К вечеру все мешки были отсортированы, и работа окончилась. Мы с товарищами решили скинуться и купить в магазине еды на всех, чтобы было не так затратно. В торговом центре цены на продукты очень высокие. Местные посоветовали нам один дешёвый магазинчик, и мы пошли туда.

После похода по магазинам, товарищи, которых поселили вчера в пристройке, пригласили нас на ужин к себе в квартиру. В этих квартирах имелись все необходимые условия для жизни. Маленькая комнатка, квадратов в двадцать, мебель, бытовая техника, санузел. Парни жили по соседству с Иваном и геофизиком, тоже работником Анадырской конторы, по имени Саша. Саша был молодым, долговязым, худощавым парнем. Сам родом из Воронежа, выпускник 2013 года нашего геологического факультета ВГУ. По окончанию учёбы он приехал работать в Анадырь. Не так давно он сломал себе руку, и целыми днями сидел дома на больничном, слушая истории своего разговорчивого соседа, который его уже успел достать до такой степени, что они поругались и почти не общались друг с другом, при встрече лишь только хмуро переглядываясь. Иван называл Сашу лишь по фамилии с ноткой неприязни в голосе, Саша же окрестил своего недавно прибывшего соседа любителем подсесть на уши, что, впрочем, я уже и сам успел заметить.

В маленькой кухоньке мы собираемся приготовить ужин из купленных в магазине макарон со свиной тушенкой.

– Да зачем же здесь свиная тушенка? – возмутился Иван, увидев выложенные на столе продукты. – Вот вам горбуша, лучшая рыба! Уху сварите, пожарьте. Я пока здесь, только рыбой и питаюсь! – он достал из-под стола две свежих рыбы небольшого размера и начал потрошить и разделять, – вот вам. Головы и хвосты с ливером кидайте в уху, а само мясо и молоки сейчас обваливаем в муке, посолим и обжарим.

Сначала я воспринял эту идею о рыбном ужине без особого энтузиазма. Рыбу я не любил и ел очень редко, но сегодня всё же решил попробовать жареную свежую горбушу. Вскоре первая партия золотистого филе была готова. После того как я её попробовал, то и сам подумал: «Да на кой чёрт мне вообще эта тушёнка свиная сдалась?» Эта жареная рыба просто невероятно хороша на вкус. Никакой вони, как это бывает у речной рыбы, минимум костей, восхитительное нежное мясо. Если бы я жил на Чукотке, то и сам только и питался бы свежей горбушей.

После ужина Иван пошёл в комнату смотреть телевизор, а на кухню вошёл Саша. Нам он больше поведал о городе и о своей жизни в нём, отвечая на наши многочисленные вопросы.

– Сначала квартиру тут снимал, по цене 20 тысяч за однушку, плюс 5—7 тысяч коммуналка. Раньше центральное здание всей нашей конторы располагалось здесь же, в Анадыре, но теперь нас вроде как переподчинили новой геологической кампании, с главным офисом и начальством в Магадане. Всё сразу хуже стало. Перебои в финансировании частые, пришлось переехать из квартиры сюда. В самом начале зарабатывал 60 тысяч, потом меня повысили до начальника партии, начал зарабатывать 80, что нормально для Анадыря. С зарплатой в 60 тысяч тут жить ещё можно нормально, тем более, когда один. Теперь, если верить слухам, новое начальство собирается урезать нам зарплату до 45 тысяч. С таким заработком здесь уже сложнее. Если эта информация подтвердится, то буду уезжать отсюда. Вообще сегодняшний заработок, который я получаю в конторе, у меня далеко не самый большой, конечно. Самые

высокооплачиваемые рабочие здесь – водители бульдозеров и гусеничных вездеходов. Если верить их словам, то в месяц они поднимают 150 тысяч, хотя многие из них даже не имеют высшего образования, а некоторые вообще являются попросту тупым быдлом. Они ужасно кичатся своим высоким заработком и смотрят с призрением на геологов, которые по всем правилам имеют более высокий статус, чем они. Однажды подслушал такой разговор между двумя водителями. Они спорили, и один другому говорил, что будет скоро жить на центральной улице города, где цены на жильё самые высокие: «Ох, ну и запросы у тебя!» – ответил второй. «Ну а что такого-то? Заработаю и куплю себе хату нормальную! Я ж не геолог какой-нибудь – в палатке жить». Я просто охуел от такого заявления. В полях они вообще ведут себя по-свински. Никогда нас с маршрутов не ждут. Привезут на профиль и уезжают сразу в лагерь отдыхать, а нам потом плетись по горам да по болотам с аппаратурой километров пять, а то и больше. Раз по договоренности условились, что они геологов одним днём вывезут из города до лагеря, а потом сразу обратно. Но возникли проблемы, и пришлось водителям вместе с нами ночевать. В лагере был балок, в котором мы расположились, но они мне заявляют: «Ну мы в балок пойдём спать, а ты давай в палатку. Ты ж геолог, вас этому учили». Чему учили?! В палатке спать? Что за бред? Иногда такую фигню несут, что хоть стой, хоть падай.

По поводу досуга. Есть кино. Кинотеатр здесь современный, с одним большим залом. Фильмы там крутят регулярно, причём новинки, всё как в больших городах, но как-то не долго, максимум дней десять. Просто за это время новинки успевают посмотреть весь город, и дальше крутить картины пустому залу не рентабельно. Да и сам кинотеатр не особо рентабельный, на государственных дотациях содержится, сеанс всего 350 рублей стоит. По вторникам 150. Но по вторникам обычно крутят всякое говно, новинки никогда. Выбора как такового и нет: пойти в кино, либо телек посмотреть, интернета ведь нормального тут нет. Об оптоволокне приходится только мечтать. Единственный выход – мобильный интернет, либо usb-модем. Вы не смотрите, что в телефоне значок 4G, это туфта. На деле вообще не грузит ничего. Один фильм весь день качаю, даже страницы сайтов открыть нормально не могу, грузит один только текст. Да ещё и операторы все сделали интернет-трафик ограниченным для сим-карт с материка, чтобы люди сим-карты в этом регионе покупали за большие деньги, а не везли с других, где они копейки стоят. Вот и плачу по 2000 в месяц за 6 гигабайт интернета. Это просто смешно!

Ещё можно в клуб сходить. Самый лучший клуб здесь называется «Ибица». Вход стоит 500 рублей, алкоголь, зачастую, и того дороже. Там ещё можно склеить себе самочку на ночь, завсегдааи этого заведения не особо привередливые в выборе партнеров, но есть риск нарваться и получить по морде. Мордобои там вообще обычное дело, так что ходить туда тоже не особо интересно, ну только если очень хочется. Но вообще, жить тут можно. Здравоохранение отличное, врачи первоклассные. Знаю я, что здесь школа хорошая и школьникам предоставляют бесплатно все виды спортивных кружков, всё оплачивает государство. Вообще спорт тут очень хорошо развит. Есть фитнес-центр, спортивный зал и всё остальное.

До клуба, кинотеатра, либо магазина можно доехать на такси. Больше половины машин, которые тут вообще числятся, это такси. Бомбят все. Поездка в пределах города стоит всего сто рублей. Есть здесь и общественный транспорт, пару автобусов. Проезд на них бесплатный, но кому из местных жителей охота ездить на автобусе? Сто рублей здесь – это ничто и, несмотря на то, что весь город вокруг можно обойти за полчаса быстрым шагом, люди, в основном, ездят на такси. Так удобнее, потому что часто, когда на улице сильный мороз, либо жуткая непогода, а идти надо в другой конец города, то просто легче заказать такси и доехать на нём. Оно очень выручает. Мы втроём с приятелями шли домой прошлой зимой, и настигла нас сильная буря. Порывы ветра были такими мощными, что мы втроём держались за руки, боялись, что ветер нас просто подхватит и унесёт, будь мы по отдельности. Одну женщину на улице сбilo с ног и потащило по снегу в нашу сторону. Мы её еле поймали, она в нас вцепилась намертво, виз-

жала во всю глотку, её паника передавалась остальным, было страшно. Какое счастье, что мимо проезжало пустое такси, мы его поймали, только так и спаслись.

Вообще ураганный ветер тут не редкость. Часто при грозе или метели его скорость достигает тридцати метров в секунду. А прошлым летом тут такой ад творился! Скорость ветра 51 метр в секунду, такое я видел впервые. В порту повалило краны, а на открытой местности переворачивались машины, так что при такой погоде всё же лучше всего дома сидеть.

Магазины. Их тут много. Как больших супермаркетов, так и маленьких павильонов. Продаются вообще что угодно, и даже секс-шоп есть. В каждом магазине цены на товары могут существенно отличаться и варьироваться на одни и те же продукты в пределах сотни рублей. Самый верный способ сэкономить тут – брать просроченные товары. Тут их много. Я когда рассрочку на квартиру выплачивал, на них лишь и сидел. Особенно быстро и заметно портятся молочные продукты. Каждый раз сметану покупаю, а там плесень. Причём даже если написано на банке, что срок годности ещё не истёк. Так зачем же мне за одну и ту же плесень переплачивать? Беру просрочку. Плесень убрал, и можно есть. Пиво просроченное – это вообще классно! Между свежаком и просрочкой никакой разницы нет, только свежак стоит в 2 раза дороже. А просрочка – сто рублей пол-литра.

День третий. 21.07. Пятница.

Акклиматизация проходит успешно, я начинаю нормально высыпаться. Встал в 8 утра. День обещал быть свободным, поэтому решили с товарищами пройтись до горы Верблюжьей, которая находилась сразу за угольным заводом, в километре от нашего гаража. Гора каменистая, со стороны города крутая, со стороны полей пологая. С вершины открывается вид на весь город и окрестности: заснеженные горы, болотистые степи, пригородные постройки хозяйственного назначения. На горе стояла телевышка с антеннами для мобильной связи. Хотя на улице и жарко, на высоте дует сильный прохладный ветер.

С высоты было видно, что в стороне от города, у подножия дальней сопки на берегу залива стоял небольшой посёлок на несколько ветхих домиков и контейнеров. Спустившись с сопки, направились туда. По грунтовке идти не стали – увидели огромную лужу на пути. Пошли по слабо протоптанной тропке, находящейся рядом, и вскоре пожалели об этом. Почва здесь очень болотистая и сырая. Внешне это не заметно, но когда нога ступала в траву, то стопа погружалась в жижу, обильно сочащуюся из травы, словно из насыщенной водой губки.

Я шёл с фотоаппаратом и снимал живописные пейзажи вокруг, поэтому отстал от товарищей, которые через кооператив морских контейнеров и балков вышли к пляжу. Я направился следом и увидел лежащего на обочине дороги человека. Он лежал на спине, одну руку подложив под голову. Вторую руку он вытянул перед собой, держа в ней маленький кнопочный телефон и пытался что-то набрать. Я подумал что он пьян, поэтому решил пойти поближе и сфотографировать его. Он меня заметил, резко встал и направился навстречу. Это был чукча, одетый в старую военную форму, шлепанцы и грязную черную кепку. Сам он был бодр, адекватен, и вроде как трезв, но его заплывшее раскрасневшееся лицо говорило о последствиях многодневной попойки. Он улыбнулся и протянул мне руку:

– Здравствуй! Сфотографируешь меня?

– Конечно! – удивился я неожиданному вопросу. Мужик словно прочёл мои мысли. Он стал лицом ко мне, я сделал кадр. Потом он сел на корточки и зажмурился от слепящего глаза яркого солнца.

– Вызовешь мне такси? – снова последовал внезапный вопрос после того, как я закончил.

– Я не взял с собой телефон, – развёл я руками. – Не ношу с собой, всё равно у меня тут связи нет, я не местный.

– А откуда?

– Из центральной России, из Воронежа.

– Жаль... Ну пока, – ответил чукча, спрятал телефон в нагрудный карман и не спеша зашагал в сторону города.

На пляже товарищи уже стояли и мочили ноги в заливе.

– Ну что, как вода?

– Холодная, ноги уже онемели.

Я тоже снял обувь, подкатил штаны и вошёл в воду.

– Ну и чего мы тут ноги мочим? – сказал Коля и начал раздеваться. – Когда у вас будет ещё возможность искупаться в Беренговом море, в двухстах километрах от полярного круга?

Мы последовали его примеру. Стоять голым в воде очень холодно. По ощущениям, температура воды не выше десяти градусов. Полминуты было вполне достаточно, чтобы у меня от холода начали отниматься конечности, отдавая тупой болью в костях. Мы быстро окунулись и сразу вынырнули на берег. Вода в заливе совсем пресная, из-за впадающих в него рек Анадырь и Канчалан, несущих свои воды на протяжении нескольких сотен километров из самого сердца Чукотки.

Мы полежали немного на камнях, погрелись на солнце, пережидая, пока высохнут трусы. Сразу после того как мы вышли из воды, всё тело горело, поэтому было совсем не холодно. Даже постоянные здесь резкие порывы ветра не дали нам замёрзнуть. Ветер не был холодным. Не был он и тёплым. Он был нейтральным, в нём организм чувствовал себя комфортно. Когда в разгар дня солнце начинало припекать, ветер нежно обдувал кожу. В целом, лето здесь очень комфортное, достаточно тёплое, чтобы можно было ходить в футболке и шортах, и не изнуряет своей жарой. Жаль только, что такое короткое. Просохнув, мы оделись и решили не выходить на дорогу, с которой спустились, а пошли по узкой береговой линии, разделяющей пляж и крутой скалистый склон, в сторону города.

На узком пляже стояло очень много кибиток и балков, возле которых рыбачили люди. Они закидывали сети и ждали несколько минут, пока в неё набьётся рыба. Поначалу балки были натканы едва ли не сплошной стеной – один на другой. Возле них кампаниями в ожидании улова сидели люди. Некоторые играли в шашки и нарды, кто-то разделявал рыбу с предыдущего улова, кто-то прогонял икру через сито. Ненужные потроха выбрасывались в воду, поэтому на пляже скапливались целые оравы чаек. Дальше по пляжу домиков встречалось всё меньше. Тут уже рыбачили в одиночку, в нескольких метрах друг от друга, и больше удочками. Многие из хаток и балков давно заброшены и находятся в ужасном состоянии – раскуроченные, разорванные. Балки валялись перевёрнутыми, колёсами вверх. Было такое ощущение, будто их столкнули вниз, с обрыва, на большие камни, но скорее всего в сильный шторм гигантские волны разбили эти маленькие домики об острые скалы. Здесь можно встретить странный мусор: обрывки длинных стальных тросов и толстых якорных цепей, катки от гусеничных вездеходов, огромные пятисоткилограммовые покрышки от бульдозеров, которые оказались здесь совершенно непонятным образом. На пляже лежало огромное количество металлолома, причём уже давно, изрядно проржавевшее. Через пару километров и люди и кибитки исчезли вовсе. Тянущийся вдоль залива обрыв становился всё выше и круче, местами переходя в отвесный, почти вплотную подступал к воде. Сложен он косослоистыми пластинчатыми породами, которые со временем откальвались под натиском вод и лежали на пляже в виде плит разной толщины и размеров.

Ещё через километр, из-за скал наконец показался большой Анадырский порт. В порту очень шумно. Сновали люди, по ангарам ездили автопогрузчики, развозя выгруженные из сухогруза контейнеры. У причала стоял огромный корабль с бесчисленным множеством этих больших железных блоков. Наверное, один такой полностью груженный корабль мог бы обеспечить припасами всю Чукотку на целый квартал, а то и больше. Многие рабочие странно на нас

косились, и мне начало казаться, что мы оказались в месте, совсем не предназначенном для посторонних.

Подальше от порта, в заливе, на якоре стояли другие крупные корабли, ждущие своей очереди для разгрузки. Портовая пристань очень велика. Помимо домов, верфи и ангаров-складов тут стоят огромные промышленные краны, рядом гигантская куча угля, стоянка для машин, на которой располагалось множество бульдозеров, гусеничных вездеходов и внедорожников. Здесь же, на вечном приколе, неизвестно какими силами вытасканные на землю, стояли пять или шесть больших пароходов, сухогрузов и прочих кораблей, уже успевших покрыться приличным слоем ржавчины.

Наконец, мы поднялись по лестнице, стоящей у обрыва, прямо в город. Наверху, чуть правее порта, располагался памятник простым рабочим Чукотки, которые тяжелым трудом смогли построить город в этом непростом для жизни краю.

Отойдя немного от памятника и углубившись в город, мы попали в место, которое, под наплывом охвативших меня приятных чувств, я назвал бы настоящим городом детства. Всё здесь казалось несерьёзным. Цветные дома, обитые красочными панелями, напоминали детские домики для игры, детский сад с большой площадкой. Ограждённый стадион с теннисным и волейбольным кортом. Чуть дальше – резиновые батуты и детские машины напрокат. И казалось, что все дети Анадыря сбежались в это место, чтобы вместе поиграть в тёплый, солнечный день, коих здесь бывает не так уж много. Откуда-то из репродукторов доносилась музыка, отовсюду – крики и смех. В этот момент можно было подумать, что Анадырь – самый жизнерадостный город на Земле.

Раз уж мы вышли в город, то решили сходить в музей. Недалеко от обрыва, между портом и унылым галечным пляжем пассажирского причала стояла деревянная церковь. У церкви – памятник святому, обращенному лицом к морю. Своими широко раскинутыми руками он благословляет отплывающих и возвращающихся в родную гавань моряков. Правее – большое современное футуристическое здание – дом культуры и музей под одной крышей. Мы вошли внутрь и оказались у кассы. Кассирша сказала, что сегодня, по пятницам, вход бесплатный.

Сам музей оказался небольшим, с тремя этажами, разбитыми на три выставочных зала. На первом этаже интерактивная детская выставка, посвященная белому медведю. Зал современно оборудован, по его периметру стоят несколько сенсорных панелей с наушниками. Нажимая на соответствующую иконку на экране, диктор, якобы от лица медведя, низким хриплым басом рассказывает много интересной информации о нём. Также можно тут посмотреть видео из жизни этих животных. В центре зала стояли искусственные мягкие чучела белых медведей. Я спросил у билетёрши, которая подобно надзирателю ходила с нами, можно ли встретить белого медведя здесь, в окрестностях Анадыря. Она сказала, что белые медведи обитают лишь на севере, далеко за полярным кругом, а здесь живут только бурые. Бывало, что зимой в город забредал и белый, но его сразу же прогоняли.

На втором этаже располагается зал, посвященный первооткрывателям этой земли. Тем, кто её осваивал, их предметам быта, личным вещам и различным техническим средствам для выживания и освоения севера. Здесь же небольшая картинная галерея местных художников и сувенирная лавка. В лавке продавали сувениры из клыков моржей, дерева, а так же элементы одежды из оленьих шкур, магниты и открытки с книгами.

Третий этаж полностью посвящён коренному народу. Вся композиция – один сплошной зал, заставленный чукотской одеждой, предметами быта, охоты, рыбалки, ремесла и прочего. Здесь очень много чучел животных, обитающих в этом регионе. Где-то по центру подвешен огромный скелет моржа. Тут и там за нами следят застывшие глаза нерп, тюленей, оленей, медведя, различных видов птиц и волка. Причём волк сделан настолько искусно, что его живой взгляд и звериный оскал внушает страх. Кажется, что он в любой момент готов сорваться

и прыгнуть на посетителей. Самый интересный и забавный экспонат этой композиции – дождевик чукчи ручной работы, сшитый из кишок тюленя.

После музея зашли в кинотеатр «Полярный». Это современное здание с хорошей отделкой внутри. Он ничуть не уступал подобным заведениям больших городов – с кассой, гардеробом, кафе, попкорном и прочим. Мы пошли на одну из новинок кинопроката. Билет на фильм стоит триста рублей, – вполне адекватная цена для этого дорогого города. Здесь только один зал, но большой, на три сотни мест, треть из которых заполнена.

Когда вернулись в гараж, нам сказали срочно идти в контору, оформлять документы на трудоустройство. Впереди теперь выходные, и в Магадане устраивать нас будут не раньше, чем во вторник, а это значит, что мы простоим в Анадыре ещё несколько дней. Но это уже не огорчает. Будет больше времени подробнее изучить этот город.

В конторе все прошли небольшой экзамен на знание техники безопасности. Нам раздали билеты с вопросом, касающимся выживания в тайге и тундре, оказания первой помощи пострадавшим, и так далее. Отвечали сразу, собравшись с мыслями, предполагая, как можно ответить на тот или иной вопрос. Главное – это начать. Всё остальное экзаменатор уже продолжал за тебя. Мне попался вопрос, звучащий примерно так: «Правила поведения при походах в маршрутах». Я рассказал всё, что смог придумать, женщина-экзаменатор продолжила за меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.